

Е.А. Ляцкий

Роман и жизнь

Развитие творческой личности И.А. Гончарова

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
Е11

E11   **Е.А. Ляцкий**
Роман и жизнь: Развитие творческой личности И.А. Гончарова / Е.А. Ляцкий – М.: Книга по Требованию, 2021. – 395 с.

ISBN 978-5-458-23769-7

Книга Е.А. Ляцкого представляет собой биографию Гончарова вплоть до создания романа «Обломов». Чрезвычайно редкое издание, имеющееся только в крупнейших библиотеках страны.

ISBN 978-5-458-23769-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Трудно однимъ словомъ опредѣлить Симбирскъ, какимъ онъ являлся лѣтъ сто назадъ. Высшая администрація края и присутственные мѣста дѣлали его губернскимъ городомъ, средоточиемъ общественно-политического и хозяйственного быта обширной области. Но обособленный, полу-усадебный характеръ жизни отдельныхъ дворовъ, обнесенныхъ высокими заборами, пустыри и длинные глухіе переулки, шедшіе изъ самаго центра, немощенныя улицы, обиліе садовъ и всякой иной живописной, въ безпорядкѣ растущей зелени, а главное — общая дрема, нависшая надъ городомъ, — налагали на него печать большой неуклюжей деревни, сонно расположившейся по берегу многоводной и молчаливой рѣки. И точно, каждый обыватель этого мирнаго города-деревни сознавалъ себя подъ кровлей своего дома скрѣпѣющимъ помѣщикомъ, чѣмъ горожаниномъ: онъ жилъ не только своимъ домкомъ, но и своимъ хозяйствомъ, окружалъ свой домъ флигелями, всякаго рода службами, амбарами, кладовыми, погребами, банями, всѣмъ, что должно было быть въ каждой порядочной вотчинѣ. По улицамъ и переулкамъ бродили козы, у воротъ дремали сытые добродушные псы; по вечерамъ изъ каждой усадьбы доносилось мычаніе коровъ. Пріѣзжіе или соѣди, желавшіе навѣстить другъ друга, должны были пробираться, смотря по времени года, или по сыпучимъ пескамъ, или по непролазной грязи. Но зато, попадая за ограду усадьбы, посѣтитель бывалъ вознаграждаемъ за свою отвагу: всюду царила чистота и порядокъ, дорожки передъ домомъ и въ саду были посыпаны пескомъ, цветочные клумбы радовали глазъ своимъ разнообразіемъ и богатствомъ, сады, парники, огороды — все было щедро осыпано дарами земли и солнца. Даже крѣпостные парни и дѣвки, выполнявшіе нелегкую хозяйственную работу, не имѣли вида заморенныхъ помѣщичьихъ крестьянъ: меныше ли ихъ было у каждого горожанина-вотчинника, легче ли была ихъ работа, но они въ большинствѣ случаевъ глядѣли веселыми, сытыми, здоровыми.

Чинно и тихо творилась жизнь внутри усадебъ, но еще тише, еще глуше было на улицахъ и площадяхъ.

Посѣтителю, особенно если онъ видаль шумные столичные города, полные жизни, Симбирскъ представлялся безконечно пустыннымъ и соннымъ.

Сверху, съ горы, онъ рисовался глазу грудои разнохарактерныхъ домовъ, лачужекъ, сбившихся въ кучу, домиковъ съ балконами, съ маркизами, съ бельведерами, съ постройками, надстройками, съ венецианскими окошками и едва замѣтными щелями вмѣсто оконъ, съ голубятнями, скворешниками, съ пустыми, заросшими травой дворами... все это лѣпилось по высотамъ и низинамъ, спускаясь до самаго дна оврага.

На заѣзжихъ путешественниковъ прямая, широкія, песчаныя улицы города, окаймленныя низенькими деревянными домиками и дощатыми тротуарами, производили впечатлѣніе грустнаго однообразія. Всѣ старинныя описанія сходились въ одномъ: при всей своей неподвижности, городъ отличался живописной картиною благодаря роскошной зелени и садамъ, занимавшимъ склоны холмовъ. Съ высоты видѣ на чудную Волгу, съ ея островами, лугами, полями и лѣсами, долженъ былъ казаться въ тѣ годы еще величественнѣе, еще очаровательнѣе.

Въ концѣ города шла криво очерченная площадь, называвшаяся „Вѣнцомъ“. Она занимала обширный земляной утесъ, управлявшися прямо въ Волгу. Оттуда открывалась восхитительная панорама на богатырскую рѣку и окрестныя дали.

Но и рѣка, и дали, и живописная зелень не оживляли города. Онѣ придавали только красоту грустному однообразію солнаго царства.

Таковъ былъ Симбирскъ лѣтъ за сто до нашего времени. Среди дворовъ-усадебъ, изъ которыхъ складывался старый Симбирскъ, замѣтно выдѣлялась одна, — ей пришлось впослѣдствіи занять почетное мѣсто въ исторіи города. То была усадьба Гончаровыхъ. Она была обширнѣе многихъ, расположенныхъ по сосѣдству: начинаясь въ самомъ центрѣ города, она широкой полосой подходила къ берегу Волги. Берегъ въ этомъ мѣстѣ падалъ круто къ рѣкѣ, и тамъ, гдѣ богатый фруктовый садъ переходилъ въ привольно раскинувшійся паркъ, эта крутизна обрывалась глубокимъ оврагомъ, густо заросшимъ дикимъ кустарникомъ и всякой лѣсной порослью. Съ противоположной, городской стороны за небольшой площадью поднималась колокольня старинной церкви Вознесенья, гдѣ въ то время священнослужительствовалъ отецъ Михаилъ Байдеряковскій; дьякономъ былъ Александръ Ивановъ, а дьячкомъ Петръ Зиновьевъ, пономаремъ же при нихъ состоялъ Сергій Андреяновъ.

6-го іюня 1812 г. они-то и были извѣщены о происшедшемъ въ семье симбирского купца Александра Иванова Гончарова и супруги его, Авдотьи Матвѣевны, радостномъ событии: рождѣніи второго сына — брата первенцу Николаю. 11-го іюня отецъ

Михаиль совершил надъ новорожденнымъ обрядъ святого крещенія и нарекъ Иваномъ, память которого празднуется 24 іюня. Воспріемниками были: надворный совѣтникъ и кавалеръ Николай Николаевичъ Трегубовъ и купеческая вдова Дарья Михайловна Косолапова. Присутствовавшіе на крещеніи желали младенцу всякаго благополучія и славной доли, но ни одно изъ пожеланій не предугадывало въ немъ, вѣроятно, будущаго знаменитаго писателя.

6

Младенецъ Иванъ родился въ крѣпкомъ, уже тогда старинномъ каменномъ домѣ, въ которомъ жилось тепло и уютно. Широкія, манившія къ покою кресла у большого круглого стола, темные портреты степенныхъ предковъ, висѣвшіе противъ оконъ, въ простѣнкахъ между зеркалъ, небольшія, словно несмѣло врѣзанныя окна, рѣдко открытые наружу, широкія печи, способныя, кажется, вмѣстить запасъ тепла на круглый годъ, образа въ кіотахъ съ теплящимися лампадами, — такова была обстановка старого гончаровскаго дома. Передъ домомъ, у крыльца, желтѣла площадка съ дорожками, уходившими въ разныя стороны; однѣ изъ нихъ вели на берегъ Волги и сбѣгали внизъ по крутизнѣ къ рѣкѣ и обрыву, другія терялись въ саду, третьи, наиболѣе торные, никогда не зароставшія, уходили къ амбарамъ, службамъ, людскимъ.

Въ кабинетѣ главы дома господствовала серьезная молчливость: книгъ было немного, гораздо меныше, чѣмъ образчиковъ сѣмянъ и приходо-расходныхъ тетрадокъ. Но одна большая толстая книга изстари лежала на почетномъ мѣстѣ. Она носила заглавіе „Лѣтописецъ“ и предназначалась для записи памятныхъ событий. Заглянемъ въ нее — она является единственнымъ источникомъ, откуда мы можемъ почертнуть нѣкоторыя свѣдѣнія о родѣ Гончаровыхъ. Отсюда мы прежде всего узнаемъ, по записи помѣченной 13 января 1733 года, что „Иванъ Ивановъ сынъ Гончаровъ женился на второй женѣ Феодорѣ Феодоровой, дочери Москвитиновой, вторымъ законнымъ бракомъ, годовъ ей было 15 лѣтъ и одинъ мѣсяцъ“. Послѣдующія записи отмѣчали рожденія и смерти многочисленныхъ дѣтей Ивана Ивановича, изъ которыхъ выжилъ одинъ сынъ Александръ, родившійся 22 августа 1754 года, отецъ нашего Гончарова. Самъ Иванъ Ивановичъ, какъ видно изъ дальнѣйшихъ отмѣтокъ, совершилъ длительную служилую карьеру. „Пожалованъ я изъ полковыхъ писарей во аудиторы 1738 г. іюня 28 дня, — читаемъ далѣе, — а изъ аудиторовъ въ поручики 1742 г. марта 18 дня и поручицкій патентъ данъ отъ военной коллегіи іюля 16 числа 1743 г., за подписями господъ фельдмаршала князя Долгорукова, генералъ-майора Ивана Козлова и секретаря Степана Тарасова, и за государственной печатью, подъ № въ воен-

7

ной коллегії 476, въ коллегії иностранныхъ дѣль 886“. Въ 1745 г. Иванъ Ивановичъ Гончаровъ быль пожалованъ капитаномъ, въ 1746 — къ капитанскому чину быль полученъ патентъ.

Иванъ Ивановичъ вель „Лѣтописецъ“ любовно и тщательно, и памятки его часто выходили за узкие предѣлы семейныхъ событій: онъ упоминалъ о знаменательныхъ явленіяхъ природы, о войнѣ съ Турцией, о бунтѣ „вора и разбойника Емельки Пугачева.“ Послѣ его смерти сынъ его, Александръ Ивановичъ, продолжалъ записи, но уже безъ всякихъ намековъ на историческую памятливость. И о себѣ лично онъ не сообщилъ ничего, такъ что наши свѣдѣнія о немъ основываются по преимуществу на отрывочныхъ воспоминаніяхъ и на косвенныхъ отраженіяхъ его памяти въ намекахъ и преданіяхъ семьи. Въ „Лѣтописцу“ было отмѣчено только, что Александръ Ивановичъ былъ женатъ дважды. Первая жена его, Елизавета Александровна, скончалась, кажется, бездѣтной. Въ сентябрѣ 1804 г. Александръ Ивановичъ, которому въ то время шелъ пятидесятый годъ, женился вторично на Авдотье Матвѣевнѣ Шахториной. Ей тогда не было и двадцати лѣтъ. Отъ этого-то брака и родился семъ лѣтъ спустя сынъ Иванъ.

На сохранившемся портретѣ Александръ Ивановичъ былъ изображенъ виднымъ мужчиной, блокурымъ, съ лицомъ серъезнымъ и умнымъ, голубовато-сѣрыми глазами и пріятной улыбкой. Шея украшена медалями. Въ молодости, впрочемъ, онъ слылъ дѣятельнымъ человѣкомъ, служившимъ родному городу, — его ⁹ не разъ выбирали городскимъ головой.

Вѣроятно, въ силу просвѣтительныхъ навыковъ, уже укоренившихся въ семье, Александръ Ивановичъ получилъ нѣкоторое образованіе, но книга едва ли была его частой собесѣдницей. Его интересы исчерпывались замкнутой усадебной жизнью и хлѣбной торговлей, служившей источникомъ материальнаго благополучія. Но съ годами характеръ Александра Ивановича рѣзко измѣнился — онъ превратился въ мало подвижного, угрюмаго, молчаливаго, вообще тусклаго человѣка съ признаками психической ненормальности, давшей поводъ называть его „меланхоликомъ“. Разсказывали, что онъ ходилъ деньской изъ угла въ уголъ „въ плисовыхъ панталонахъ, въ коричневой суконной ваточной курткѣ“, или сидѣлъ у окна, наблюдалъ за тѣмъ, что творилось на дворѣ. Изрѣдка принималъ приказчика и вель съ нимъ неторопливыя дѣловыя рѣчи, и снова шагалъ по комнатѣ, и снова присаживался къ окну. Онъ отличался благочестіемъ, но благочестіе ограничивалось внѣшними формами церковности, выражаясь по преимуществу въ соблюденіи постовъ, молитvenныхъ стояній и вообще обрядовъ „по старинѣ“, за что и называли его также „старовѣромъ“,

— по крайней мѣрѣ онъ не обнаруживалъ той истинной религіозности, которая вносить въ окружающую жизнь атмосферу кротости и любви. Вообще это была, повидимому, одна изъ тѣхъ натуръ, съ которыми не легко живется подъ однимъ кровомъ: такихъ людей почитаютъ и побаиваются при жизни и съ облегченiemъ забываютъ послѣ смерти. И дѣйствительно, когда 10 сентября 1819 года смерть унесла Александра Ивановича, о немъ скоро перестали говорить, и онъ быстро ушелъ изъ воспоминаній гончаровскаго дома.

Полной противоположностью ему была мать Ивана Александровича — Авдотья Матвѣевна. Натура дѣятельная, характеръ сильный и выдержаный, умъ проницательный и практическій, сердце горячее и любящее — она обладала всѣми качествами матери нѣжной и разсудительной, хозяйки заботливой и гостепріимной, умѣвшей создать для своихъ дѣтей, прежде всего, уютную теплоту гнѣзда, мирнаго, дружнаго, осѣненнаго благословенiemъ пенатовъ. Въ то же время она сумѣла внести въ обстановку гончаровскаго дома крѣпость семейнаго начала, которая наложила на весь укладъ оттѣнокъ патріархальности, завѣщанной предками. Въ такой атмосфѣрѣ дѣти — ихъ росло четверо, два сына и двѣ дочери, Анна и Александра, — чувствовали себя подъ присмотромъ, но дышали легко и свободно; если и бродили въ ихъ крови какія-нибудь темныя преданія прошлаго, они не обнаруживались въ дѣтствѣ, словно не смѣли сказаться, пока надъ ними сохраняла свою власть зоркая бдительность материнскаго глаза. Въ жизни Авдотьи Матвѣевны было немного вѣнчанихъ событій, о которыхъ она могла бы разсказать дѣтямъ, какъ о чёмъ-то своемъ, личномъ, обособленномъ отъ ихъ интересовъ, отъ заботъ о мужѣ, хозяйствѣ, домѣ. Развѣ одно: въ молодости она помнила себя живою, привлекательною женщиной, останавливающей общее вниманіе на частыхъ въ то время въ Симбирскѣ собраніяхъ и балахъ. Въ 1824 г., когда императоръ Александръ Павловичъ посѣтилъ Симбирскъ, Авдотья Матвѣевна была представлена государю, въ числѣ именитыхъ губернскихъ дамъ, и удостоилась чести танцевать съ нимъ. Объ этомъ событіи она любила вспоминать въ семейномъ кругу и показывала нарядъ, въ которомъ видѣль ее государь и которой бережно хранился въ одномъ изъ ея безчисленныхъ сундуковъ.

То было яркое, праздничное воспоминаніе, которое, какъ утренняя звѣзда, мерцало въ душѣ, не приближаясь къ землѣ и не смѣшиваясь съ ея тревогами и страстями. Въ повседневномъ же быту она не могла представить себѣ иной жизни, чѣмъ та, которая выпала ей на долю. Такъ жили предки, такъ жили родные и сосѣди, такъ жили всѣ тѣ, которыхъ патріар-

хальная мудрость называла „хорошими людьми“. мирное олажденствіе было высшимъ идеаломъ въ томъ кругу, гдѣ лучшей эпитафіей прошлаго служили слова: „прожили, — какъ проспали“.¹² А пока жили, надо было возиться въ своемъ муравейникѣ и не сидѣть, сложа руки. Авдотья Матвѣевна строго исполняла этотъ завѣтъ: подъ ея умѣлымъ руководствомъ хозяйственный механизмъ обломовской усадьбы работалъ на славу, работаль, какъ хорошо, прозаически наложенная машина. Именно прозаически: едва ли во всѣхъ соленьяхъ, вареньяхъ, классическихъ заготовкахъ, въ кухонной стряпнѣ, въ періодическихъ откармливаніяхъ гостей до отвалу была хоть искра поэзіи для самой Авдотьи Матвѣевны. То была самая убийственная проза — всѣ эти упитанные телята, откормленные индѣйки, сверхъестественные пироги, вся эта дворня, вертѣвшая хозяйственную шестерню! Одного поволжского солнца, щедро обливавшаго своими лучами закоулки гончаровской усадьбы, было слишкомъ недостаточно, чтобы поднять эту грубую житейскую прозу на степень поэзіи, чтобы заставить ее свѣтиться радостью жизни, звучать гомерическимъ смѣхомъ. Но чего не сдѣлаетъ солнце, того впослѣдствіи достигнетъ художественный гений сына Авдотьи Матвѣевны: наступить день, когда онъ позоветъ на обломовскій пиръ всѣхъ, кто раскроетъ страницы его дивныхъ твореній, всѣхъ заставить ихъ радоваться пирогамъ и индѣйкамъ, заставить смѣяться и восклицать: „какие пироги пеклись въ Обломовкѣ!“¹³

Но кто изъ гостей, которыхъ позоветъ Гончароеъ на роскошный пиръ творческихъ воспоминаній, задумается надъ тѣмъ, какихъ заботъ, какихъ трудовъ стоили эти обильныя трапезы самоотверженной Авдотьи Матвѣевнѣ? Несмотря на хлѣбную торговлю, которую вель Александръ Ивановичъ, Гончаровы не славились богатствомъ, и обширные сундуки ихъ не часто являлись хранилищами свободныхъ наличныхъ средствъ. Послѣ смерти мужа, Авдотьи Матвѣевнѣ приходилось особенно зорко слѣдить за всѣми статьями хозяйственного обихода, чтобы удерживать норму домашняго благополучія на извѣстной, разъ заведенной высотѣ. Во всемъ необходимъ былъ хозяйственный глазъ, практическая сметка должна была работать неустанно, и не было ничего удивительного въ томъ, что за Авдотьей Матвѣевной установилась репутація не только дѣловитой, практической, но и весьма требовательной хозяйки, гнѣвнаго взора которой, какъ огня, боялись нарушители порядка. Авдотья Матвѣевна въ этомъ отношеніи напоминала Татьяну Марковну Бережкову: въ стилѣ своей эпохи держала дворовую челядь въ страхѣ Божіемъ, но работой не тѣснила, кормила сытно, знала присущія дворнѣ слабости и на практикѣ проводила

строгую грань между „благородными“ и „чернью“. Но ея собственное „благородство“, въ общей атмосфере гончаровского дома, было чуждо какой бы то ни было спеси: Гончаровы не были помѣщиками съ традиционными инстинктами рабовладѣльчества, ни родовитыми дворянами, прикрывавшими фамильнымъ гербомъ свое измѣльчаніе, ни даже богатыми купцами, измѣрявшими жизнь емкостью своей казны. Господствующей чертой въ настроеніи гончаровскаго дома была степенная, въ общемъ благодушная, провинциальнно-губернская обывательщина, жизнь безъ тревогъ и запросовъ, безъ гордыни, но и безъ усмиренія плоти, жизнь не высокихъ по духу радостей и кротко сносимыхъ печалей... она переползала изо-дня въ день и незамѣтно угасала, какъ догорающая свѣча передъ иконой.

Авдотья Матвѣевна была воплощеніемъ материнской любви, любви нѣжной, быть можетъ черезчуръ кровной, черезчуръ замкнутой въ кругу семейственной исключительности. Эта любовь, однако, не ослѣпляла ее. Постепенно, слѣдя за ростомъ дѣтей, она учила разумно распредѣлять свои привязанности, не огорчая никого изъ нихъ предпочтеніемъ. Она научилась быть требовательной, даже подчасъ строгой, и до самозабвенія нѣжной, когда дѣти обращались къ ней за успокоеніемъ и лаской. Склонная къ фантастикѣ, насыщенной полумиѳической стариной, Авдотья Матвѣена передавала и дѣтямъ ту же игру воображенія и тѣ же чудесные и страшные образы, которымъ наполовину вѣрила сама.

Изъ дѣтей особую воспріимчивость къ этой сторснѣ материнского внущенія проявлялъ маленький Ваня: на его душу молитвы и разсказы матери падали живой росой поэтической грезы, звучали небесной музыкой, которой ему не забыть никогда.

14

Быстро текутъ дѣтскіе годы, годы нѣжной любви, баловства и напряженного, зоркаго проникновенія въ окружающей міръ, когда дѣтская душа такъ жадно впитываетъ въ себя впечатлѣнія. Ребенокъ ловить звуки родной рѣчи, запоминаетъ слова, воспринимаетъ образы и строить свои первыя представленія по внушеніямъ лицъ, которыхъ онъ уже знаетъ, любить или боится. Съ чуткостью, доступной только первымъ ступенямъ сознанія, проникается онъ разлитой вокругъ него теплотой и лаской, заражается мистикой вѣры и суевѣрія, учится любить, страдать и бояться: воображеніе населяетъ его міръ призраками таинственной сказки.

„ — Пойдемъ, мама, гулять, — говоритъ Ильюша.

— Что ты, Богъ съ тобой! Теперь гулять — отвѣчаетъ она: — сыро, ножки простудишь; и страшно: въ лѣсу теперь лѣши ходить, онъ уносить маленькихъ дѣтей.

15

— Куда онъ уносить? Какой онъ бываетъ? Гдѣ живетъ? — спрашиваетъ ребенокъ.

И мать давала волю своей необузданной фантазіи.

16 Ребенокъ слушалъ ее, открывая и закрывая глаза...“

Стоить только замѣнить „Ильюшу“ „Ваней“, и картинка ранняго пробужденія сознательности въ Гончаровѣ явится сама собой.

Едва ли Авдотья Матвѣевна была счастлива въ замужествѣ съ Александромъ Ивановичемъ, бывшимъ на тридцать лѣтъ старше ея. Тихое страданіе и грусть, кажется, были неизмѣнными спутниками ея трудовой многозаботливой жизни. Но въ тѣ дни, когда ея Ваня учился всматриваться по ея указкѣ въ окружавшіе его предметы, ему улыбалось только счастливое лицо женщины, благословившей міръ радостью новой жизни.

И еще одно лицо склонялось надъ его колыбелью, не родное, но ласковое, не счастливое, но понимающее чужое счастье материнства и дѣтства. То была няня Аниушка. Конечно, она мурлыкала надъ его кроваткой старинныя пѣсни, позже рассказывала сказки, пугала разбойниками и дикими звѣрями и звала букой, когда ребенокъ капризничалъ. Конечно, она засыпала, разморенная зноемъ, и давала ребенку убѣгать и къ оврагу и на обветшалую галлерею, и то поднимала его до себя, повѣряя ему свои радости и печали, то сама опускалась до его дѣтскаго сознанія, когда бродила съ нимъ въ заколдованныхъ лѣсахъ среди лѣшихъ, русалокъ и вѣдьмъ, или переживала съ нимъ чудеса и загадки тридесятаго царства.

Когда же Ваня подросъ, и общество братца и сестрицъ не давало уже новой пищи его воспріимчивости, передъ нимъ открылось иное поприще наблюденій — міръ дворни, людской, всѣхъ этихъ Захаровъ, Евсѣевъ, Василисъ, Акулекъ, тѣхъ безъмянныхъ мальчишекъ и дѣвченокъ, изъ которыхъ каждый являлся для него развлечениемъ и живой игрушкой. Рано подмѣтилъ Гончаровъ Антипа, который былъ лѣнивецъ, чѣмъ самая лѣнивая лошадь, рано схватилъ разницу въ характерахъ мрачнаго Савелія и отупѣвшаго въ лакейской Евсѣя, сварливой Агафьи и разбитной Марины, примѣтилъ дѣвченку Машутку, у которой вѣчно подъ носомъ была капля, до тонкости изучилъ повадки Барбоса. Семейная хроника окутывала его ласковой пеленой быта, заключавшаго въ себѣ весь міръ — съ горячимъ лѣтнимъ солнцемъ, съ домашнимъ уютомъ, съ Волгой, обрывами, съ пѣснями, грезами и темными страхами, внущенными наивнымъ невѣденіемъ и поэтической стариной. Сознаніе ребенка пробуждалось и яснѣло. Умъ и сердце наполнялись картинами, сценами и нравами домашняго быта; безпримѣсная русская рѣчь затягивала въ этотъ бытъ юнаго гражданина и незамѣтно роднила его со всѣмъ міромъ безпредѣльной тогда русской земли.

Среди заботъ и хозяйственной суеты у Авдотьи Матвѣевны были свои личные, незамѣтные для посторонняго глаза интересы и тревоги, была своя внутренняя борьба, прошедшая по ней глубокимъ волненiemъ и, можетъ быть, грозою. Натура властная и сильная, она не могла замкнуться исключительно въ кругу мелочей домашняго хозяйства. Была потребность извѣстной теплоты, ласки, чего-то поднимавшагося надъ уровнемъ обыденности, чего не могъ дать ей сухой угрюмый Александръ Ивановичъ. Въ значительной своей части эта потребность претворилась въ беззавѣтную материнскую любовь съ жаркими молитвами, съ горячими слезами, съ нѣжными улыбками любви и счастья. Но былъ уголокъ души, куда Авдотья Матвѣевна, застѣнчиво и затаенно, допустила еще одно чувство, чувство сердечной признательности къ тому, кто послѣ смерти Александра Ивановича принялъ на себя заботу о дѣтяхъ: то было чувство, обращенное ею къ „крестному“ маленькихъ Гончаровыхъ — Николаю Николаевичу Трегубову. Трегубовъ, дѣйствительно, глубоко вросъ въ Гончаровскую семью и въ воспитательномъ строѣ ея сыгралъ въ высшей степени благотворную роль.

17

Дворянинъ симбирской губерніи по рожденію, воспитанникъ Морского кадетскаго корпуса, онъ нѣсколько лѣтъ служилъ во флотѣ, совершаю дальняя плаванія, но затѣмъ вышелъ въ отставку съ чиномъ капитанъ-лейтенанта, вернулся на родину, гдѣ и поселился въ своемъ имѣніи. Но здѣсь одинокая жизнь помѣщика-холостяка ему скоро наскучила, и онъ перебѣхалъ въ Симбирскъ, гдѣ опредѣлился на нѣкоторое время въ гражданскую службу, переименовался надворнымъ совѣтникомъ, прочно обосновался и завелъ обширное знакомство въ дворянскомъ кругу. Таковы внѣшнія черты его біографіи. Не забудемъ отмѣтить прежде всего, что съ семьей Гончаровыхъ онъ познакомился благодаря простой случайности. Переѣхавъ въ Симбирскъ и подыскивая себѣ квартиру, онъ пѣнился счастливымъ сочетанiemъ почти деревенского затишья и приволья съ удобствами городской жизни, какое представляла живописная усадьба Гончаровыхъ, и нанялъ, еще при жизни Александра Ивановича, красивый, свѣтлый, уютный деревянный флигель, примыкавшій къ саду. Общительный, добродушный характеръ Трегубова, его громкій заразительный смѣхъ, широкое радуше, открывавшее двери его дома наиболѣе просвѣщенныемъ и вліятельнымъ людямъ губерніи, все это внесло въ патріархальную дрему усадьбы невиданное прежде оживленіе. Усадьба повеселѣла. Трегубовъ перевелъ сюда нѣсколько человѣкъ своихъ дворовыхъ — поваровъ, лакеевъ, кучеровъ, которые постепенно сли-

лись, на началахъ общаго хозяйства, съ гончаровской прислугой, и на кухнѣ, въ людскихъ и амбарамъ, пошла двойная неустанная дружная работа. Началось то, чѣмъ поминаль Илья Ильичъ Обломовъ свое дѣтство.

Широкая, дворянски-усадебная жизнь соотвѣтствовала какъ нельзя болѣе личнымъ вкусамъ и склонностямъ Трегубова: онъ любилъ видѣть у себя хорошее общество, которое умѣло цѣнить и изысканныя блюда, и тонкія дорогія вина. Онъ умѣль занять это общество увлекательной и остроумной бесѣдой. Авдотья Матвѣевна оказывала ему въ хозяйственныхъ заботахъ неисчислимыя услуги, а съ теченіемъ времени и всецѣло приняла на себя управление не только его домашнимъ хозяйствомъ, но и его имѣніемъ. Будучи болѣе чѣмъ обеспеченнымъ человѣкомъ, Трегубовъ не былъ одаренъ качествами расчетливаго хозяина, и почиталъ себя счастливымъ, когда въ лицѣ Авдотьи Матвѣевны нашелъ управительницу своихъ имущественныхъ дѣлъ. Сблизившись съ семьей Гончаровыхъ, Трегубовъ какъ бы восполнилъ недостатокъ семейного начала въ своей личной жизни, которая теперь покатилась весело, ровно, полно и своеобразно-красиво, и онъ навсегда остался въ этой милой для него Обломовкѣ, и никуда отсюда не рвалось его сердце. Послѣдняя перемѣна совершилась позже, когда умеръ Александръ Ивановичъ, — онъ перешелъ въ большой домъ, гдѣ его вліяніе стало еще замѣтнѣе, еще ближе къ духовному миру молодого поколѣнія.

Въ атмосферу гончаровскаго дома, изстари пропитанную духомъ бытовой практичности и материальной заботы, Трегубовъ внесъ цѣлый новый міръ идей, интересовъ и образовъ. Въ своихъ морскихъ путешествіяхъ онъ пріобрѣлъ огромный запасъ наблюдений и впечатлѣній, о которыхъ умѣль прекрасно разсказывать. Его умъ, дѣятельный и пытливый, не поддавался усыпляющей обстановкѣ, и свѣжесть общихъ интересовъ постоянно поддерживалась чтеніемъ новыхъ книгъ и журналовъ. Наибольшій интересъ возбуждали въ немъ сочиненія исторического содержанія. Была и еще замѣтная черта его внутренняго міра: онъ отличался чуткой гуманностью, дѣлавшей его воспитательное вліяніе еще болѣе благотворнымъ. Дѣти стали предметомъ его горячей привязанности, и своими заботами объ ихъ воспитаніи и образованіи, по словамъ Ивана Александровича,

¹⁶ онъ „превосходилъ родного отца“.

Гончаровскій домъ, послѣ появленія въ немъ Трегубова, представлялъ собой, такимъ образомъ, типичное сліяніе двухъ началъ: купечески-патріархального и дворянски-барского: первое было основнымъ, кровнымъ, второе привилось легко —